

DEVELOPMENT OF THE IDEOLOGICAL STRATEGY
OF THE CCP

Alexander V. Chebunin

Dr. Sci. (Philos.), A/Prof.,

East-Siberian State Institute of Culture

1 Tereshkova St., Ulan-Ude 670031, Russia

chebunin1@mail.ru

Abstract. The article examines the historical and ideological development of the Chinese Communist Party from its founding to the present. It shows the process of the Sinification of Marxism-Leninism as the guiding ideology of the CPC through its logical development in the concepts of Mao Zedong's ideas, Deng Xiaoping's theory, Jiang Zemin's theory of three representations, Hu Jintao's scientific concept of development and Xi Jinping's idea of the socialism with Chinese characteristics of new era.

Keywords: CPC, PRC, Marxism-Leninism, ideology, ideas of Mao Zedong, Sinification of Marxism.

УДК 811.581.11

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-66-70

**ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ И ИММАНЕНТНОЕ В ЯЗЫКЕ
(на примере китайского языкового знака 龍 *lóng*)**

© **Пляскина Екатерина Андреевна**

аспирант,

Забайкальский государственный университет

Россия, 672039, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30

katyushao1989@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию двух философских категорий — трансцендентного и имманентного применительно к языку. На примере китайского языкового знака 龍 *lóng* (дракон) показано, что основой формирования значений знака могут быть как трансцендентные, так и имманентные факторы. Предполагается, что существо, впоследствии обозначенное знаком 龍 *lóng*, первоначально представляло собой объект-медиатор, форму имманентизации трансцендентных принципов упорядочения в предметной форме.

Ключевые слова: трансцендентное, имманентное, языковой знак, китайский дракон, китайский язык.

Для цитирования

Пляскина Е. А. Трансцендентное и имманентное в языке (на примере китайского языкового знака 龍 *lóng*) // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 66–70.

Понятия *трансцендентное* — *имманентное* тесно взаимосвязаны и познаются только при сопоставлении друг с другом. Условно говоря, они соотносятся

между собой как внутреннее — внешнее. Философская категория трансцендентного уходит корнями в античную философию. Согласно И. Канту, трансцендентное (от лат. *transcendens* (*transcendentis*) — перешагивающий, выходящий за пределы) обозначает то, что выходит за пределы возможного опыта и недостижимо внешнему исследованию [6, с. 333]. Напротив, имманентное (от лат. *immanens* (*immanentis*) — пребывающий в чем-либо, свойственный чему-либо) — это то, что атрибутивно предмету, внутренне присуще вещи или процессу, свойственно качеству, характеризует самость изнутри [6, с. 333].

Представляя собой особый лингвокультурный феномен, языковой знак в своем значении аккумулирует элементы трансцендентного и имманентного отдельно взятой лингвокультуры [5, с. 166]. В данной статье это будет рассмотрено на примере китайского языкового знака 龍 *lóng* (дракон). Данный знак относится к числу наиболее древних знаков, возникших на заре китайской цивилизации. Он встречается уже в ранних надписях цзягувэнь (XIV–XI вв. до н. э.). Именно поэтому с точки зрения трансцендентного содержания он представляет собой прекрасный материал для изучения.

Языковой знак возникает не одномоментно, он представляет собой результат процесса семиозиса, зачастую занимающего весьма длительный период времени. То, что сейчас воспринимается нами как цельная единица, в действительности представляет собой сложное образование, некоторые части которого являются неявными, а иные и вовсе не могут быть даже логически выведены. В этом случае мы сталкиваемся с трансцендентной стороной знака — теми его аспектами, которые недостижимы для непосредственного наблюдения. Отмечают, что трансцендентное — это та сумма потенциальных смыслов, которой может быть наделен объект [4, с. 39]. Одна из причин трудностей определения трансцендентного заключается в том, что оно, как правило, конвенционально, культурно обусловлено, а не выводится напрямую из свойств самого объекта (в отличие от имманентного). В то же время, конвенциональность не устанавливается произвольно. Так, отмечается, что любая конвенциональность, сколь бы специфична она ни была, может возникнуть исключительно на основе межсубъектной объективации тех или иных сторон феномена, выступающего предметом конвенции и закрепления смысла этой конвенции в стандартной, по крайней мере для данного культурного контекста, знаковой форме [4, с. 170].

Являясь порождением трансцендентного и имманентного отдельно рассматриваемой лингвокультуры, языковой знак отражает тот или иной культурный феномен. Именно трансцендентное начало нередко лежит в основе вторичных значений знака. Сумма потенциальных нереализованных семантических значений, имплицитно сокрытая в отчужденном объекте, мерцает как сфера трансцендентного [4, с. 39]. Проблема в том, что наблюдению доступны лишь те трансцендентные смыслы, которые уже стали имманентными (что логически следует из самих терминов). Часть же первоначальных смыслов либо утрачена, либо проявляется опосредованно, например, в виде коннотаций. Не случайно именно культурные коннотации очень часто не имеют явного обоснования с точки зрения не-носителей лингвокультуры. Выявление трансцендентного языкового знака не может ограничиваться лишь анализом собственно языковых средств, оно

требует более глубинного анализа, привлекающего данные истории, философии и других отраслей научного знания.

Пока знаковая форма служит онтологическим репрезентантом означаемого и синкретически слита с ним... его собственная онтология не осознаётся... Но стоит рефлексии добраться до самой онтологии знаковой формы и выявить её имманентную природу, как она начинает жить собственной жизнью, вне своих отношений с означающим, связь с которым становится всё более и более условной. Так запускается бесконечный процесс продуцирования «знака знака», «образа образа» и т. д. В этом направлении семиозис действительно не имеет конца [4, с. 174–175]. Вышесказанное вполне и прежде всего можно отнести и к языку, поскольку в нем, как ни в чем ином, проявляется процесс «бесконечного», вторичного семиозиса. Языковой знак приобретает в речи не свойственные ему ранее смыслы, которые затем могут закрепиться в языке в качестве компонентов значения.

Проф. А. А. Маслов считает, что первоначально китайские лун (龍 *lóng*) были не драконами, а духами, либо медиумами (шаманами), которые впускали в себя этих духов, перевоплощаясь, таким образом, в них [3, с. 104]. Одновременно он не исключает возможности того, что за указанным образом скрывался амбивалентный человеко-дух или человеко-стихия [3, с. 98]. Известно, что шаман в древних культурах являлся посредником в отношениях между духами и людьми, медиатором между сакральным и профанным мирами [2, с. 18].

Возникшая функция (общение с духами) требовала образа деятеля. А поскольку данная функция была связана со сферой сакрального, трансцендентного, то и исполнитель ее должен был соответствовать. В качестве его образного воплощения и возникло существо лун (по мнению А. А. Маслова, воплощавшее в себе одновременно и шамана и духа, в которого он перевоплощался). Кроме того, лун считались проводниками в царство мертвых. Лишь позднее данный образ сменился зооморфным мифическим образом, известным нам как китайский дракон.

Лун в данном случае выступил в качестве объекта-медиатора, то есть «искусственного феномена, являющегося формой имманентизации трансцендентных принципов упорядочения в предметной форме» [4, с. 173]. Не будучи равным самому себе, объект-медиатор выполняет знаковую функцию.

Языковой же знак 龍 *lóng* в данном случае представляет собой то, что по выражению А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко, является «знаком знака» [4, с. 174–175]. Иными словами, 龍 *lóng* выступает в качестве знака культурного образа, в свою очередь выполняющего знаковую функцию.

По мнению А. А. Маслова, именно посредническая функция проводника в царство духов и мертвых является причиной того, что в дальнейшем дракон (как «наследник» лун) стал символом китайского императора — посредника между Небом и Землей [3, с. 200]. Данное значение реализовано в выражениях «真龙天子 *zhēn lóng tiān zǐ* ‘истинный дракон — сын неба’», «金龙 *jīnlóng* ‘золотой дракон’» [1], описывающих императора.

Возможно, что способность перевоплощенного в лун шамана «договариваться» с духами лежит также и в основе такой приписываемой китайскому дракону функции, как управление стихиями. Так, согласно народным верованиям, дракон-божество мог создавать тучи, дождь, гром и ветер, управлять реками,

вследствие чего жизнь народа напрямую зависела от его благосклонности. В данном смысле знак 龙 *lóng* используется в сехоуэй (недоговорке-иносказании) 龙王爷过江一风大雨大 *lóngwángyé guò jiāng fēng dà yǔ dà* 'Царь драконов (Лун-ван) переходит реку — сильный ветер, сильный дождь' [7]. Общее значение фразеологизма *беда; смута; беспорядки* позволяет судить об отношении древних китайцев к номинируемому лексемой 龙王爷 *lóngwángyé* денотату — всесильному дракону-божеству, внушающему трепет.

У 龙 *lóng* есть и значения, имеющие имманентную основу. Например, значение *крупное древнее пресмыкающееся* вероятнее основано на внешнем сходстве (мифическое пресмыкающееся — реальное пресмыкающееся). В названиях большинства древних рептилий присутствует иероглиф 龙 *lóng*: 恐龙 *kǒnglóng* *динозавр* (букв. 'страшный дракон'); 鱼龙 *yúlóng* *ихтиозавр* (букв. 'рыба-дракон'); 飞龙 *fēilóng* *птерозавр* (букв. 'летающий дракон').

Таким образом, трансцендентное реализуется в имманентном: действия сил природы, смерть — для всего того, что люди не могли объяснить, они создавали более или менее понятные для них образы. Впоследствии данные образы подвергались дальнейшей трансформации, в результате которых уходили все дальше от исходного, однако продолжали испытывать на себе его влияние. Языковой знак, вербализующий соответствующий культурный образ, явно или неявно несет в своем содержании определенные элементы исходного образа.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bkrs.info> (дата обращения: 18.09.2021).
2. Жамсаранова Р. Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии: монография. Чита: Экспресс-издательство, 2013. 288 с.
3. Маслов А. А. Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. Москва: Алетей: Культурный центр «Новый Акрополь», 2006. 480 с.
4. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. Москва: Языки русской культуры, 1998. 376 с.
5. Пляскина Е. А. Значение и смысл языкового знака «дракон» китайской лингвокультуры // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2020. Том 6(72). № 4. С. 165–181.
6. Современный философский словарь / под общей редакцией В. Е. Кемерово. 2-е изд., испр. и доп. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: Панпринт, 1998. 1064 с.
7. Чжиши Бэйкэ 知识贝壳 [Раковина познания]. URL: <https://www.zsbeike.com/hy/22201631.html> (дата обращения: 17.09.2021).

TRANSCENDENTAL AND IMMANENT IN A LANGUAGE (by the example of Chinese lingual sign 龙 *lóng*)

Ekaterina A. Plyaskina
Postgraduate student,
Transbaikal State University
30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita 672039, Russia
katyushao1989@mail.ru

Abstract. The article is devoted to two philosophical categories — transcendental and immanent as applied to a language. It is demonstrated with the example of Chinese lingual sign 龍 *lóng* (dragon) that both transcendental and immanent factors can be basis for shaping of meaning. It is assumed that a creature later designated by the sign 龍 *lóng* was initially an object-mediator, a form of immanentization of sequencing transcendental principles in objective form.

Keywords: transcendental, immanent, lingual sign, Chinese dragon, Chinese language.

УДК 94:339(510)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-70-79

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ ЧАЕМ В КИТАЕ

© Ван Юй

аспирант,

Казанский федеральный университет

Россия, 420008, г. Казань, ул. Пушкина 1/55

wangyuiki@mail.ru

Аннотация. В данной статье описана история становления и развития чайной торговли в Древнем и Средневековом Китае. Автор последовательно рассматривает чай как сельскохозяйственную культуру, как элемент товарно-денежных отношений, важный источник пополнения государственного бюджета и часть финансовой системы страны, а также как инструмент внешнеполитического давления на сопредельные кочевые народы. На протяжении всей истории Китая чай играл важную роль в культурной и хозяйственной жизни страны. Так, в Древнем Китае чай использовался в основном как подношение императору и способ поощрения императором высшей знати, а во времена династии Тан, после постройки Великого канала, от чайной торговли уже напрямую зависело экономическое благосостояние империи и ее внешнеполитическая стабильность, так как чай был меновым товаром для пополнения армии лошадьми, а зависимость кочевников от потребления чая превратилась в инструмент контроля над кочевниками императорским правительством.

Ключевые слова: чайная торговля, меновая торговля, история чая, китайский чай, династия Тан.

Для цитирования

Ван Юй. История становления и развития торговли чаем в Китае // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 70–79.

История взаимоотношений разных культур может строиться на основании противостояния и сотрудничества. Обычно в исторической науке большее внимание уделяется истории войн, а история взаимодействия, сотрудничества, кооперации часто остается за скобками. Нами кажется важным и интересным восполнить этот пробел в историческом знании и на примере рассмотрения истории становления и развития чайной торговли в Китае проследить те формы мирного